

DOI: 10.15643/libartrus-2021.4.2

Философия кризиса: интонация XXI века – осанна всечеловечности

© В. В. Ильин

Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт»
Россия, 132182 г. Москва, площадь Академика Курчатова, 1.

Email: vvilin@yandex.ru

Урок пандемии: человек не всесилен, – и телесно, и социально. Противовирусная борьба глобальных институтов по обеспечению будущего цивилизации стимулирует развертывание технократического проекта перезапуска-перезагрузки мира, ориентированного на антигуманитарное «обнуление», – выпуск аморфных существ «без свойств». Противоядие неофеодалному корпоративизму – актуализация сконцентрированных в Wertswelt антисервилистических ценностей жизни. Естественный telos мировой истории – вершение коллективной родовой судьбы по началам гуманитарно оправданного разума.

Ключевые слова: техногнозисное расчеловечение, неорациональность, упрочение гуманитарного миропорядка.

Жизнь – не спрямляема, как дорога; ее нельзя знать, как таблицу умножения. Современная жизнь переформатирует цивилизационную поверхность самым неожиданным образом.

Обозрение деструктивных сюрпризов переживаемого разрушает сердечную веру апостолов в константную прогрессивность потенциальных общественных изменений. Будущее – причудливо; осложняет предсказание новообразуемого невозможностью учета, оценки капитальных рисков.

С заявлением неретушируемого образа fuzzy future мы сталкиваемся в наши судьбоносные дни, отменяющие компетенции, как представлялось доселе, непогрешимого проводника по хитросплетениям существования – ratio.

Нахождение причин собственной неосторожности универсализации полномочий разумной части человеческой природы оттеняет краткий перечень впадения в варварство во имя прогресса.

Генерал-басом рассуждений выступает мотив неприятия (фактически – обрушения) проекта традиционной философии (от архаики до современности) учредить «рационально устроенное общежитие» – многоустроительные тщания (исключая утопии) организации отлаженно-слаженно действующих полисных (античность) – государственных (Просвещение) – правительственных (технократизм модернити) управленческих структур, обслуживающих благочеловечие.

Непосредственно в современный отрезок времени выявилось: корпус доктринально расчисляемых, калькулируемых мероприятий не оказывает санирующего влияния на реалии. Это потому, что отличаемый гордыми званиями «венец творения», «высшая сфера мироздания» сапиент изначально не наделен высоким назначением causa causans происходящего.

Мир, как таковой, суть живое изваяние Бога, но не его подобия. Как ни прискорбно признавать, но приходится: в настоящий момент лицедеем theatrum mundi оказывается не homo artifex, не homo emunctae paris, не homo farber, но ничтожные ядоносные актино-, бактериофаги.

Человек предполагает, Бог располагает. Досадное осложнение человеческой стати текущего, – борьба с вирусом – природой – сопровождается борьбой с порождением человечности – второй природой (культурой), – самим человеком.

Стержень существования нашего расчеловечивающего безвременья (время – категория гуманитарная; в негуманитарном отсеке универсума – дление) – развенчание техногнозисной платформы «рациональной человеческой истории», крах модели «разумно устроенного общества».

Очевидную безысходность сказанного подчеркивает упоминавшаяся ранее [12] широко распространяющаяся установка Великого отказа, воплощающая идею разочарования в эффективность деятельности социально-исторически складываемых институтов.

Присмотримся к дающему досадный сбой поставу разумоцентричной цивилизации.

Гражданственность: рост управленческих авторитарно-волюнтарных решений; истончение ответственности власти за человеческое развитие; необеспечение социального паритета и справедливости, равного доступа к благам; разрушение общественного диалога; усиление антагонизма «развращенная, обогащающаяся на массовых бедствиях знать (сверхбогатые за пандемию увеличили состояние на 30%) – нищий, забытый народ»; разорение малого, среднего бизнеса; сброс населения в бедность; кризис занятости; отсечение больших слоев от ресурсов; порочная монополизация производства (от разработки сырья до выпуска символов).

Культура: маргинализация, примитивизация деятельности на грани впадения в перверсию (коленипреклонение перед цветными (и те же расистские бунты в проигравшей финал футбольного чемпионата Европы Англии); промоутерство бездарных тиктокеров (модерирующих престижные международные форумы); покровительство-попечительство вульгарных псевдодив (без определенных занятий хабалка – прима МХАТ); тривиальный эпатаж (сценическое популяризаторство трансгендерной флюидности)). Как тут не адресоваться к давно назревшему требованию законодательного запрещения включения продуктов культуры в сферу рыночных отношений [14].

Общение: уход в имитацию, виртуальность, киберпространство, дополненную реальность; укоренение людически-геймерского мироотношения; капсулизация, атомизация интеракции, разрушение социальных контактов.

Используя мысль Гессе, складывается эпоха неоригинальных публичных поделок, символического ширпотреба – без аттракционов и магического театра; на фоне обвала инспирирующих социальных проектов (социализм; государство всеобщего благосостояния) жизнь обретает уродливые свойства безидеальности, духовной выхолощенности, обывательской выморочности с примитивно-пошлым, плоским привкусом конформизма, деиндивидуализированности, убывания героического.

Паушально отмечается возврат «темных веков», характеризующихся ломкой правил, возникновением неконтролируемых массовых реакций, впадением в смуту.

Мы далеки от сгущения красок. Перелив неприятностей из сферы «тело» в сферу «дух» и vice versa заряжает порочным магнетизмом, взаимоусиливает вредоносные разрушительные влияния. С такой ситуацией в истории, натурально, человечество не сталкивалось.

Капитальной проблемой цивилизационного урегулирования ранее оказывалось обуздание автономных накатов разбалансов со стороны либо природы, либо общества.

После выхода авангардной европейской части человечества из средневекового чумного мора усилия жизнеустроения сосредоточились на совершенствовании социальности. Отсюда –

ставшая общемировой мегатенденция демократизации социально-политического конституирования жизни, стимулировавшая развертывание октроированного конституционализма, конституционализма, парламентаризма, республиканизма, непосредственного, представительного, делиберативного демократизма, правового, социально ориентированного, граждански ответственного обмена деятельностью [10–11].

Апогей соответственных преобразовательных умонастроений – идейная платформа Просвещения с одиозным кредо: несправедность, беды, пороки, протори, убытки существования порождены человеком – недостаточной его причастностью к «царству разума».

Недальновидность такой линии нашла рефлексивное отображение в конце XIX – начале XX в., усилиями адептов философии жизни, волюнтаризма, философской антропологии, психоанализа осуществлявших апологию нерациональности, сверхразумности жизнеустроительных действий. (Полный разгул иррационализма в трактовке социально упорядочивающих инициатив, человеческого мирозидательного зодчества – символ веры дадаизма (абсурдизма, сюрреализма и т.д.), декларировавшего: «Дада... Эти два слога достигли цели, достигли „звонкого бессмыслия“, абсолютной незначимости» [4, с. 458].)

Пафос Просвещения, однако, пережил его незадачливых радикальных критиков из числа модернистов: вплоть до первой квинтили нашего века историческая дефектность спрягалась с аномальностью антропологической (едва не финальный аккорд избавления от последней – утопической «Моральный кодекс строителя коммунизма», возвращенный в тенетах фантазмагорической общественной перспективы).

Пандемия 20-х XXI в. положила конец не могущим сбыться иллюзиям.

Несправедность, конечно, имеет источником человека; но в некотором вполне ясном смысле высшей – неожиданной, несправедливой, непоправимой несправедливостью является злобность природы.

Массовый падеж населения – несправедливость сущего – выказал человеку, человечеству, пестуемой ими рациональности генеральную ущербность потуг подчинить естественное искусственному, природу культуре (мысль обретает сугубо злобный тератологический оттенок в допущении рукотворной этиологии коронавируса).

Что же? – человек – спусковая пружина этиологии человека?

Философская стезя рефлексии всеохватных кризисных испытаний заключается в представлении их глубинных причин в наиболее точных, емких терминах. Обнажение оснований имевших место капитальных родовых потрясений (фазовые сдвиги от присвоения к производству; от промискуитета к нуклеосу; от бессобственничества к собственничеству; от догосударственности к государственности; от коммунитаризма к индивидуализму и т.п.) демонстрирует их корневой ценностный статус. Прощание с прошлым протекает как принятие новой аксиологической канвы существовательных отношений.

Нерв нашей эпохальной ситуации – провал оттачиваемых веками ценностных устоев калькулирующего технорациоцентризма, обслуживающего репрессивный социально-политический прогрессизм.

Рыба стремится туда, где глубже, человек – туда, где лучше. Светская философия легализовывала подобное стремление на персональном уровне взвинчиванием идеологии индивидуализма, эгоцентризма, автономизма, либерализма, утилитаризма, прагматизма; на групповом уровне – идеологии коллективизма, коммунитаризма, социализма, командитизма.

Религиозная философия упирала на общность антропной судьбы, вводила аморфные штампы личного бессмертия, тематизируемого идеологией финализма, телеологизма, эсхатологизма.

Настоящее выказывает легковесность как первого, так и второго.

Сырьевая, производительная необеспеченность состояния беззаботной комфортности жизни – дериват глобальной несбыточности объективации стратегий константности «экономического роста», «устойчивого развития». Весь мир не может быть процветающим.

Аналогично экстравагантный цивилизационный кульбит состоятельной части гудленд, подчиненный решению нарастающих проблем утрированием преуспевания *happy few* (корыстная узурпация преимуществ ставленниками «золотого миллиарда»; зонирование вакционных мероприятий по геополитически выделенному вектору «вестерн»; карантинный национализм; прививочная дипломатия; скупка набобами аппаратов ИВЛ для личного пользования и т.д.), – не что иное, как дополнительный источник планетарного разупорядочения. Не может быть процветающей и каким-то образом обособливаемая часть мира.

Религиозная догма «не бояться смерти» (по пасхальной кальке) вступает в противоречие с оголтелой «борьбой за жизнь» в пандемическом бедствии. Вопреки декреталиям земная жизнь выказывает высшую ценность: человек живет ради жизни (не несбыточного воскресения). Как прямодушно восчувствовался М. Муравьев:

И лучше день один весенняя погоды
Всей мира суеты.

Профилактическое санитарное привитие страха смерти метафизически подтачивает самостийное чувство жизни. Так может ли жизненный пролог стать эпидемическим эпилогом?!

Переживаемый темпоральный фикс-пункт суть переломный момент времени (тиллиховский кайрос), – своеобразный фронтолиз, размывающий сложившийся ценностный фронт существовательных скреп, судьбических опор-постаментов. Неужели Немезида повернулась к человеку телесным тылом, принялась мстить ему за проявленную гордыню, корысть, себялюбие?

Как говорил в таких случаях Брехт:

Ведь должен быть какой-то верный выход?
За деньги не придумашь – какой.
...
А может здесь нужны другие боги?
Иль вовсе без богов?..

С богами... Без богов...

Преодоление тягот, переживаний, несчастий, – общечеловеческий выбор-выход; – с какими святынями?..

Речь – о ценностном фундаменте жизнестроения, снимающем треволения корпоративного утверждения.

Незадачливая управленческая сфера обслуживания выдает ближайшее «спасительное» решение, по трезвом размышлении квалифицируемое как постгуманизм, подпираемый сомнительным дуплексом: технототалитаризм вкупе с социоавторитаризмом.

Букет несообразий, взаимоусиливающий подавление продуктивных «трех И», – инициативность, инновационность, интегрированность – обрывает инвестиции в человеческий капитал, венчает порочное техногнозисное расчеловечение. Опасность подобного перерождения антропосферы предугадывали Маркузе, Миллс, обращавшие внимание на недопустимость

репрессивной рациоцентричной механизации. Свертывая аргументацию, солидаризируемся с нашими предшественниками в части неприятия подавления самости рычагами властного дирижизма. Последний – средоточие центрально-административного фундаментализма-функционализма – и есть директивно-элитарный апекс репрессивно-механизирующего рациоцентризма.

Сведение телесно-душевно-духовного, чувственно-сознательно-бессознательного полифункционально-полифундаментального человеческого целого к одной его части – плод ничем не оправданного вычурного приема, как концептуально, так и операционально стимулирующего редукционистскую, расчеловечивающую деструкцию [9].

Мысль проливает свет на сформулированный Ферми капитальный парадокс: молчание космоса. При допущении его безграничности трудно понять и принять отсутствие свидетельств деятельности себе подобных. Едва не единственное озадачивающее ум объяснение – самоуничтожение, – самоликвидация аналогичных земной разумных форм общественной не-земной популяции вследствие схожей с набирающей силу в нашем вселенском локале масштабной коренной ломкой – катастрофическим ренессансом рациоцентричного истребления человечности.

Здесь, правда, выходит на очередь дня адресованная Белому и не версифицированная им головоломная проблема Брюсова: Всевышний пришел на Землю ради спасения одной планеты или всего космоса? В предположении исключительности геообстановки (с философских позиций геоцентричный пафос и даже апофеоз космологического антропного принципа не имеет всекосмической редактур) проблема Брюсова снимается... обесмысливанием, расширяя простор рефлексии родовой – коллективной судьбы: есть ли она? если есть, – в чем заключается?

Давая волю оценочному суждению, исходно проявим «мужественный подход к теме» (Мандельштам), – отвергнем намечаемую наизготовку стоящим всегда услужливым управлением близорукую модель администрирующей автократии, полномочные претензии которой нещадно уничтожаются творческим опытом социально-исторической архитектуры, блокирующим привилегии лиц, от каприза коих зависит значительная часть того, что должно делаться государством [2, с. 298].

«Нет такого государственного устройства, которое не подлежало бы изменению... – подчеркивает Фихте. – Если устройство плохое... оно должно быть изменено; если оно хорошее... оно изменится само» [18, с. 103].

Прерогативы, компетенции власти перемещаются сверху вниз – от абсолютных центров к самостоятельно развивающимся, легализуемым законом, конституцией учреждениям [3, с. 198].

Стратегический социально-исторический тренд – утверждение всеобщего, публичного, демократического состояния (ничего общего не имеющая с общественно-практическим делом – доктринальная гримаса рабски льстивых властеугодников: от монархизма, патернализма, тоталитаризма к демократии через автократию; – между тем: свободен, требующий свободы!; путь к демократии – через демократию!), обеспечивающего простор человечности.

Ростки надежды пробиваются культивацией не постгуманизма, но гуманизма; расчеловечение преодолевается очеловечением.

Всемерно выстраданный антикризисный план современности – укрепление человечности: востребуется не рациоцентричное, но человекоцентричное устройство истории с заменой выпускающего цивилизные формы рациогенеза морфологическим гуманогенезом.

Нерв перспективы – не отрицание рациональности, не нерациональность, но неорациональность, стреножащая аппаратный механицизм, впадающую в административный восторг бюрократическую манипуляцию.

Если в философском понимании кризис жизни есть следствие негодной ценностной инспирации жизни, то выход из кризиса связан с подведением под жизненный процесс подходящей ценностной основы. В позитивном ключе сказанное означает: в картине нашего поврежденного мира должны быть усилены мотивы всечеловечности.

Всечеловечность, возделывание человечности, – это и есть ценностный базис человекоемкой жизненной философии; базис, продуктивно предпрещающий дальнеперспективный каскадный эффект жизнеустроительного «приближения неба».

Исключительно так: XXI век будет веком аксиологии, эпохой *Nosanna in excelsis* – демонстрацией первенства всечеловечности в организации роевой родовой деятельности.

«Пусть жизнь и умирает, но смерть не должна жить» [13, с. 64], – в афористичном мотто Маркса – судьбическая повестка: как человечеству найти себя.

Чем в современности озабочивает (точнее сказать: озадачивает) претендующая на жизнеучительство философия?

Говоря односложно и фигурально, – плетением узлов, требующих вмешательства свыше. Профессиональная метафизика *ardentia verba* прославляет низложение человечности. В многоголосном священнодействии различимы сдобренные тенденциозностью партии:

- жизненная безопорность через утрату ответственности – отрешение от экзистенциальной, социальной обязательности;
- статусное обнуление через утрату идентичности – отрешение от собственнической, семейной, этнической, национальной, гражданской, исторической принадлежности.

Лишение корней, вытравливание стержневой гомологичной, типологичной определенности.

Что дает истребительная перезагрузка мира, перезапуск истории? Обесценение, девальвацию ценностей и человеческой жизни, и жизни человечества.

Бумеранг сомнительной умственной жизнеучительной игры летает криво, тем более, что умственная игра (как и самая игра) никогда не была и не может быть ни источником ни жизни, ни жизнеучительства (сугубое упущение нарочитой хейзинговской модели *homo ludens*).

Сюжет затейливой перезагрузочной философской инноватики сущего востребует самого пристального внимания.

Трагизм современности – трагизм не просто глобального, но глобального гуманитарного миропорядка. Синхронный распад природного и социального тела, одновременное разрушение физиологической и общественной, физической и культурной организации суть беспрецедентная кульминация дезагрегации человечности. Наше современное сегодня именно тот случай, который отменяет, по-видимости, приободряющее хемингуэйевское: «Никогда ни о чем не жалею. Никогда не считай потерей». Наш казус склоняет к необходимости и жалеть, и считать потери.

Дело усугубляется реакцией на реалии институтов власти. Главное – не вирус, а его значение в общественной жизни.

Свобода, утверждал Камю, – «право не лгать».

Воспользовавшись всеохватным существовательным неудобьем, мировая власть (взятая как работоспособный конструкт, имеющий эмпирически перспективную в веберовском

смысле проекцию) проявляет свою свободу в праве лгать – в качестве подходящей дефензивы предлагает перезапуск – перезагрузку обмена деятельностью на началах «жить тревогой».

Не растекаясь мыслью по древу, вне бутафории «белых одежд» сие означает запуск конвейера производства:

- окказионально-аморфного человека (правильнее: «человеческого материала») «без свойств»;
- субстанционально-поднадзорного социума с тем же антуражем.

Народы хиреют, правительства пухнут. Ничего нового. Кратократия в очередной раз демонстрирует свою искомую «способность рисовать» (Белинский) так, как умеет. От вождизма до социализма практиковалась прямая персонифицированная репрессия (плоть до современной Северной Кореи); в наши дни – элитарная манипуляция.

Здесь мы дошли до нужного: глобальный антикризисный проект мировой власти – расчеловечение с реквизитом: не сословная, но функционально-функционерная, командно-приказная зависимость. На смену феодальному идет неофеодальный корпоративизм.

Реализм проявляется независимо от взглядов, – подмечал Энгельс. Реализм наднациональной, космополитичной кратократии обнаруживается в групповом универсализме – имманентном стремлении сохранить «заслуженные» привилегии – статусные преимущества номенклатуры.

Не будем разъяснять хорошо известные поведенческие повадки плотно сбитой эзотеричной котерии (олигархизм, протекционизм, nepотизм, консерватизм, коррупция, клановость и т.д.), обратим внимание на практикуемый кратократией прекрасно верифицируемый кастовый ход: загнать в стойло.

Сервильзация, сервильизм, сервофилия – и девиз, и программа. По отношению к рабу все дозволено. Так было, так есть.

Взять классическое чеховское: «...взгляните на эту жизнь: наглость и праздность сильных, невежество и скотоподобие слабых, кругом бедность невозможная, теснота, вырождение, пьянство, лицемерие, вранье...» [17, с. 263]. О каких временах речь? – прошлых? нынешних?

Цитируем дальше: «...Мы не видим и не слышим тех, которые страдают, и то, что страшно в жизни, происходит где-то за кулисами. Все тихо, спокойно, и протестует одна только немая статистика (не профсоюзы, институты, структуры гражданского общества! – **В. И.**): столько-то с ума сошло, столько-то ведер выпито, столько-то... погубило... И такой порядок, очевидно, нужен; очевидно, счастливый чувствует себя хорошо только потому, что несчастные несут свое бремя молча, и без этого молчания счастье было бы невозможно... общий гипноз» [17, с. 264].

Избавление от гипноза – через свободу! – «свобода есть благо... без нее нельзя, как без воздуха...» [17, с. 264]. Но – надо... подождать.

(Раньше ссылались на скверну социально-исторической онтогенетики, – потому: к свободе – через сдерживающую несвободу; к демократии – через оглядочную автократию; – теперь – на скверну пандемии).

Нам говорят: «не все сразу, всякая идея осуществляется... постепенно, в свое время... Кто это говорит? Где доказательства...» [17, с. 264]. Утрируют «естественный порядок вещей... законность явлений, но есть ли порядок и законность в том, что я, живой, мыслящий человек, стою надо рвом и жду, когда он зарастет сам или затянет его илом, в то время как, быть может, я мог бы перескочить через него или построить через него мост» [17, с. 264]. Мост в полноценную жизнь, преодолевающий неполноценно-нежизненное анаэробное состояние «ждать».

Ждать – чего? Во имя чего – ждать? Когда нет сил жить, но жить – нужно и жить – хочется.

Тематизируя дилемму «политика как politics – глобальна, экстерриториальна» – «политика как policy – локальна, территориальна», философская доктрина приходит к необходимости согласовать компоненты трилеммы: «глобальность – демократичность – государственность» (Родрик, Бауман):

- демократия с национальным суверенитетом исключает глобальность;
- национальная государственность с глобализацией исключает демократичность;
- демократия с глобальностью исключает государственность.

Доктринальная неразрешимость трилеммы [1, с. 254] получает разрешение практическое. Достаточно представить стратегически подспудную линию мировой власти (как полезной работоспособной абстракции под фирмой осредненно-идеального веберовского типа) вести дела по началам

- космополитизма (коррекция этатизма);
- корпоративизма (коррекция демократизма);
- функционально-функционерного универсализма (коррекция глобализма).

Искомый продукт выхода «нетривиального» кратократического изобретения – перезапуск-перезагрузка планетарной жизнеспорождающей машины на адаптированном к современным реалиям ценностном базисе расчеловечения «рода» с производством «породы».

Пресловутой апелляцией к необходимости «жить тревогой» поставленные цели достигаются: выстраивается тотальный мировейник [7] – поднадзорный тип властноорганизуемого сообщества разобщенных лиц, рычагами всеохватного попечительства, покровительства, отеческой заботы о выживании (точно китайские болванчики) приводимых в действия ничем не скованным администрированием – бесчеловечной манипуляцией.

Называя вещи своими именами, «новый» мировой порядок суть

- онтологически – заорганизованная квазисвободная (дисциплинарность!) ассоциация;
- социологически – «массово-атомарная» (оксюморон) квазисимбионтная (монадообразность!) ассоциация;
- политически – «элитарно-массовая» (оксюморон) квазидеятельная (безинициативность!) ассоциация;
- антропологически – безликая квазииндивидуальная (проинтегрированная по лояльности QR-кодом) ассоциация.

Пришли к тому, с чего начали: макет общежития мировой кратократии – затхлая утопия Кампанеллы с прокисшей сервилитической философией *In servum omnia liceant*.

Навязываемый хищной кратократией глобальный проект обновленного удобного (кому?) сущего встречает мощный отпор в лице опыта жизни, опыта жизнеемкой, жизнеучастной философии.

Сервиллизм ни как жизненная, ни как умственная программа никогда не выказывал кредитоспособности.

С жизневоспроизводственной точки зрения, он умалялся свободой действия свободного лица (отсюда – естественная тахителія: от рабства – к свободе [6]); с жинееосмысливающей точки зрения, он умалялся философией свободы (человек – самовозрастающий имперфект).

Сказанное из глубины веков рельефно передает социально-политически взвешенная философия стоицизма, устами Сенеки [16] декларировавшая: хотя по отношению к рабу (который и в качестве человека-то не рассматривался) все дозволено, однако коль скоро речь идет

о человеке (все же!), есть нечто такое, чего по отношению к нему как существу одушевленному позволено быть может ни с позиций общего права, ни с позиций жизненной философии.

Поверх социально-политических спецификаций и детерминаций согласно порядку вещей Номо – res sacra.

Человек перестал верить в Бога, но Бог не перестал верить в человека. Чертеж полноценной человеческой жизни выполняется не богохульной подрисовкой озабоченной консервацией своих привилегий олигархической корпорации, но выверенным наложением красок умелой богоугодной кистью.

Архаичное крепостничество отбирало у человека тело; современное неокрепостничество посягает на отбор у человека и тела, и души. Его сущности. Свободы. Смысла.

Но с человеком – Бог, напутствующий: нет необходимости жить в оковах мнимой необходимости; нельзя мириться с изъятием собственной сущности – автономной свободы, смысла, смысла свободы, свободы смысла.

Конец и бумаге, и длинной дороге – путь жизни [15]. Обновление его – стезя не перерождающей механизации, но возрождающей гуманизации, – актуализации сосредоточенных в Wertswelt [5] ценностей человечности.

Цель истории – ее пролонгация; цель жизни – ее стимуляция. Забота о будущем человечества в наичистейшей форме – обеспечение человеческого будущего.

Сюжет коллективной судьбы, telos'a, энтелехии, телеологии мирового развития имеет одну достойную версификацию, – философию рода. Не волков власти, не овец народа, но высокого образа мыслей самосовершенствования, внутреннего прогресса целокупного ряда поколений, имеющего единого прародителя-первочеловека.

Философия прошлого упирала на связь разума и сущего: первое – орудие творения второго. Ввиду дефектности итоговых дериватов в случае божественного разума обострялась проблематика теодицеи; в случае человеческого разума – проблематика антроподицеи [8].

Отрешенная, необидительная апология Всевышнего, как и его подобия, отменяется реформативанием философии: рациоцентризм (техногенность) вытесняется гуманоцентризмом (гуманогенность) с соответственным сдвигом акцентов в морфогенетическом моделировании, согласно максиме *Provocarem ad Phillipum, sed sobrium*.

Обретение твердой почвы гуманитарно выверенного разума предполагает серьезную перестройку философской доктрины с усилением концептуального мотива: кризис – не крах; суть состояние «оптимистической трагедии». Тематизация последней – снятие пелены заволакивающего обзор реалий густого тумана испытаний современности и есть непосредственная задача непредвзятой, исполненной спокойного самообладания профессиональной философии.

Статья публикуется при финансовой поддержке издательства «Социально-гуманитарное знание» (решение №210586).

Литература

1. Бауман З. *Индивидуализированное общество*. М.: Логос, 2002. 324 с.
2. Гегель Г. В. Ф. *Сочинения в 14 тт.* М.: Соцэкгиз, 1934. Т. VII. 384 с.
3. Гегель Г. В. Ф. *Сочинения в 14 тт.* М.: Соцэкгиз, 1938. Т. XII. 494 с.
4. Жид А. *Собрание сочинений в 4 тт.* Л.: Гослитиздат, 1936. Т. 4. 533 с.
5. Ильин В. В. *Аксиология: учеб. пос.* 2-е изд. М.: Проспект, 2020. 192 с.
6. Ильин В. В. *Метафилософия. Поэтика философии*. М.: Проспект, 2021. 160 с.

7. Ильин В. В. *Теория познания. Критика инструментального разума. Speciosa miracula: тотальный мировейник*. М.: Проспект, **2020**. 160 с.
8. Ильин В. В. *Теория познания. Философия как оправдание абсолютов. В поисках causa finalis*. М.: Проспект, **2017**. 272 с.
9. Ильин В. В. *Философия гуманитарного знания. Studia humaniora*. М.: Проспект, **2019**. 256 с.
10. Ильин В. В. Философия и власть. Ч. I. Архитектура власти // *Российский гуманитарный журнал*. **2020**. Т. 9. №4. С. 211–223.
11. Ильин В. В. Философия и власть. Ч. II. Архитектура власти // *Российский гуманитарный журнал*. **2020**. Т. 9. №5. С. 277–296.
12. Ильин В. В. Философия кризиса: новый век – начало непонятной жизни // *Российский гуманитарный журнал*. **2021**. Т. 10. №3. С. 135–154.
13. Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. М: Государственное издательство политической литературы, **1954**. Т. 1. 698 с.
14. Матлар А., Делькур К., Матлар М. *Международные рынки образов*. М., **1993**.
15. С. 16; 11.
16. Сенека. *Нравственные письма к Луцилию*. М.: Наука, **1977**. 384 с.
17. Чехов А. П. *Избранные сочинения в 2 тт.* М.: Художественная литература, **1986**. Т. 2. 671 с.
18. Fichte J. G. *Sämtliche Werke. Dritte Abteilung. Ekster Band*. Berlin: Veit, **1845**. 610 с.

Поступила в редакцию 10.08.2021 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2021.4.2

The philosophy of the crisis: intonation of the 21st century – the hosanna of all-humanity

© V. V. Ilyin

*National Research Center "Kurchatov Institute"
1 Academician Kurchatov Square, 132182 Moscow, Russia.*

Email: vvilin@yandex.ru

The lesson of the pandemic: human is not omnipotent, both physically and socially. The antiviral struggle of global institutions to ensure the future of civilization stimulates the deployment of a technocratic project of restarting-rebooting the world, focused on anti-humanitarian “zeroing” – the release of amorphous creatures “without properties”. The antidote to non-feudal corporatism is the actualization of the anti-servilistic values of life concentrated in Wertswelt. The natural telos of world history is the fulfillment of a collective ancestral fate according to the principles of a humanely justified reason.

Keywords: technognosis dehumanization, neorationality, strengthening of humanitarian world order.

Acknowledgements. The article is published under the financial support of "Sotsial'no-Gumanitarnoe Znanie" Publishing House (Decision No. 210586).

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Ilyin V. V. The philosophy of the crisis: intonation of the 21st century – the hosanna of all-humanity // *Liberal Arts in Russia*. 2021. Vol. 10. No. 4. Pp. 238–248.

References

1. Bauman Z. *Individualizirovannoe obshchestvo [Individualized society]*. Moscow: Logos, 2002.
2. Hegel G. V. F. *Sochineniya v 14 tt. [Works in 14 volumes]*. Moscow: Sotsekgiz, 1934. T. VII.
3. Hegel G. V. F. *Sochineniya v 14 tt. [Works in 14 volumes]*. Moscow: Sotsekgiz, 1938. T. XII.
4. Gide A. *Sobranie sochinenii v 4 tt. [Collected works in 4 volumes]*. Leningrad: Goslitizdat, 1936. Vol. 4.
5. Il'in V. V. *Aksiologiya: ucheb. pos. [Axiology: textbook]*. 2-e izd. Moscow: Prospekt, 2020.
6. Il'in V. V. *Metafilosofiya. Poetika filosofii [Metaphilosophy. The poetics of philosophy]*. Moscow: Prospekt, 2021.
7. Il'in V. V. *Teoriya poznaniya. Kritika instrumental'nogo razuma. Speciosa miracula: total'nyi miroveinik [The theory of knowledge. Critique of instrumental reason. Speciosa miracula: total anthill]*. Moscow: Prospekt, 2020.
8. Il'in V. V. *Teoriya poznaniya. Filosofiya kak opravdanie absolyutov. V poiskakh causa finalis [The theory of knowledge. Philosophy as a justification of absolutes. In search for causa finalis]*. Moscow: Prospekt, 2017.
9. Il'in V. V. *Filosofiya gumanitarnogo znaniya. Studia humaniora [Philosophy of humanitarian knowledge. Studia humaniora]*. Moscow: Prospekt, 2019.
10. Il'in V. V. *Liberal Arts in Russia*. 2020. Vol. 9. No. 4. Pp. 211–223.
11. Il'in V. V. *Liberal Arts in Russia*. 2020. Vol. 9. No. 5. Pp. 277–296.
12. Il'in V. V. *Liberal Arts in Russia*. 2021. Vol. 10. No. 3. Pp. 135–154.
13. Marx K., Engels F. *Sochineniya [Works]*. M: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1954. Vol. 1.
14. Matlar A., Delcourt K., Matlar M. *Mezhdunarodnye rynki obrazov [International image markets]*. Moscow, 1993.
15. Ps. 16; 11.
16. Seneka. *Nravstvennye pis'ma k Lutsiliyu [Moral letters to Lucilius]*. Moscow: Nauka, 1977.
17. Chekhov A. P. *Izbrannye sochineniya v 2 tt. [Selected works in 2 volumes]*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1986. Vol. 2.
18. Fichte J. G. *Sämtliche Werke. Dritte Abteilung. Ekster Band*. Berlin: Veit, 1845.

Received 10.08.2021.